

Сергей Борисович Кан

Статьи и обзоры

ПАРИЖСКИЕ РАБОЧИЕ В РЕВОЛЮЦИИ 1789—1794 годов.

(ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ ОБЗОР)

Вопросы истории. 1956, № 1

Веб-публикация: [Vive Liberta](#), 2014

Профессор Кареев рассказывает, что, закончив в конце 70-х годов прошлого века свою монографию о французском крестьянстве XVIII столетия, он решил было взяться за подготовку докторской диссертации на тему о положении рабочих в последней четверти того же века, но быстро отказался от этой мысли в связи с почти полным отсутствием не только печатных источников, но и литературы в данной области. «Удивительная вещь! — восклицает он. — Рабочие играли такую видную роль в истории Французской революции... а между тем как раз история рабочих во время революции оставалась наименее известной»¹.

Действительно, буржуазная историография «Великой революции» почти полностью игнорировала роль народных, плебейских масс в этой революции. В многочисленных выступлениях этих масс реакционные историки типа И. Тэна видели лишь стихийные бунты и мятежи озлобленной и голодной «черни», якобы неспособной к какому-либо созидательному порыву. Да и о самом существовании в конце XVIII в. во Франции рабочих как отдельного класса — предшественника современного пролетариата — имелись в историографии лишь самые неясные и сбивчивые представления. Правда, в исторической литературе иной раз и говорилось о «рабочих классах», но к ним обычно причисляли не только наемных рабочих, но и ремесленников. Проф. Левассёр в своей «Истории рабочих классов и промышленности с 1789 г. по 1870 г.», например, зачислял в состав «рабочих» даже... промышленников-капиталистов и в связи с этим говорил не столько о французских рабочих, сколько о состоянии французской торговли, промышленности, финансов и т. п.².

Тем не менее не может быть никаких сомнений в том, что во Франции конца XVIII в., уже стоявшей накануне промышленного переворота, существовали многие тысячи мануфактурных рабочих, которые выступали наряду с другими слоями городского плебейства одной из основных движущих сил буржуазно-демократической революции. Маркс и Энгельс, уделявшие такое большое внимание «плебейскому методу ликвидации феодализма», уже в «Манифесте Коммунистической партии» указали, что «первые попытки пролетариата непосредственно осуществить свои собственные классовые интересы» имели место еще «во время всеобщего возбуждения, в период неспровержения феодального общества...»³. О выступлениях самой французской буржуазии против рабочих в ходе революции XVIII в. Маркс не раз говорил и в первом томе «Капитала» и в своих письмах Энгельсу, отмечая, что закон Ле Шапелле отнял у французских рабочих только что завоеванное ими право ассоциации⁴. Со своей стороны, и Ф. Энгельс неоднократно подчеркивал значение научного изучения развития и роли тех общественных элементов, из которых с распадом феодальных связей

¹ «Русское богатство», май 1911, стр. 2

² E. Levasseur. Histoire des classes ouvrières en France de 1789 à 1870. Vol. I—II. Paris. 1903.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные произведения. Т. I. Госполитиздат. 1952, стр. 35.

⁴ См. К. Маркс. Капитал. Т. I. Госполитиздат. 1955, стр. 745; К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные письма. М. 1947, стр. 159.

«образуется тот предпролетариат, который в 1789 г. совершил революцию в парижских предместьях...»⁵.

Говоря, что именно этот предпролетариат составлял основную часть плебейских масс, предопределявших своим порывом исход всех сколько-нибудь значительных событий революционного периода, Ф. Энгельс решительно критиковал ошибку К. Каутского⁶, который в своих статьях в «Die Neue Zeit»⁷ не сумел подметить значения выступления плебейских низов Парижа в 1789 г. и все внимание уделил не бедноте, а ремесленникам и подмастерьям. Последних он и считал решающей революционной силой того времени. Характерно, что и позднее историки социал-демократы, писавшие о Французской революции XVIII в. (Кунов, Блос, Вендель), также, подобно Каутскому, продолжали игнорировать роль предпролетариата или в лучшем случае отводить ему второстепенное место.

Если в трудах историков социал-демократов вопрос о роли революционной активности рабочих, как правило, не был предметом специального исследования, то в трудах буржуазных историков он и вовсе не привлекал к себе внимания. Самое большее, он рассматривался лишь в качестве части другого, более широкого вопроса — о роли и значении революционной активности народных масс вообще. В результате изучение социальной истории Французской революции XVIII в. продвигалось вперед столь медленно, что А. Матез еще в 1909 г. мог с полным основанием говорить, что жизнь французских рабочих в период революции остается для историков, как и раньше, «почти совершенно неизвестной»⁸. Только позднее, безусловно, под влиянием роста международного пролетарского движения и особенно событий русской революции 1905 г. вопрос об участии рабочих в революции XVIII в. начинает привлекать к себе большее внимание представителей исторической науки, а к настоящему времени в этой области можно уже насчитать значительное число исследований. Рассмотрение этой литературы позволяет сделать некоторые важные выводы о путях развития научной мысли и о борьбе идей в исторической науке. Рассмотрение это тем более необходимо, что в то время как освещение вопроса (по крайней мере, в литературе, вышедшей до 1911 г.) о положении рабочих в предреволюционные годы в известной степени уже изучено⁹, вопросу об освещении в науке участия рабочих масс в самих революционных событиях до сих пор в историографических трудах не уделялось достаточного внимания¹⁰.

Одним из первых французских историков, обративших под идейным воздействием марксизма серьезное внимание на проблему участия рабочих в революции XVIII в., был Ж. Жорес. В своей вышедшей в 1901—1904 гг. замечательной «Социалистической истории Французской революции» он попытался набросать общую картину отношений, которые сложились в 1789—1794 гг. между буржуазией и молодым рабочим классом. Однако в силу недостаточной еще в то время разработки архивных материалов и, главное, из-за «левоблокистских» политических устремлений самого Жореса нарисованная им картина оказалась все же далеко не полной и не во всем верной: хотя Жоресу и удалось в основном вполне правильно обрисовать тяжело положение мануфактурных рабочих в конце XVIII в., он не сумел раскрыть ни тех общих условий, в рамках которых после начала революции протекала борьба рабочих масс против капиталистической эксплуатации, ни тех классовых корней, которыми определялась рабочая политика не только Учредительного собрания, но и Конвента. Хотя заслуга

⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XXIX, стр. 418.

⁶ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XXVIII, стр. 80 (письмо Каутскому от 20 февраля 1889 г.).

⁷ Речь идет о статьях «Классовые противоречия в 1789 г....». «Die Neue Zeit», 1889, №№ 1—4.

⁸ См. «Annales révolutionnaires», 1909, p. 454.

⁹ См. Н. И. Кареев. Что сделано в исторической литературе о положении французских рабочих перед революцией 1789 г.? СПб. 1911.

¹⁰ Вопрос почти совсем не освещается специально ни в известном историографическом труде Н. И. Кареева, ни в историографическом очерке Т. В. Милюдиной, помещенном в книге «Французская буржуазная революция 1789—1794». М.—Л. 1941.

Жореса, впервые уделившего пристальное внимание закону Ле Шапелле, неоспорима, он все же не сумел дать этому акту правильной характеристики. Идеализируя буржуазии, он отказывался допустить, что закон этот, отнявший у рабочих право организации стачек и профессиональных объединений, был издан «главным образом для того, чтобы обезоружить пролетариат». По мнению Жореса, в данном случае прямо возражавшего К. Марксу, закон Ле Шапелле «в сознании революционной буржуазии вовсе не имел того насильственного характера, который впоследствии был придан ему социальной эволюцией, так как классовый антагонизм... был слабо выражен в ту эпоху» и в законе будто бы не содержалось никаких «предвзятых классовых тенденций»¹¹. Заслуга Жореса заключалась, следовательно, скорее в том, что он привлек внимание к проблемам социально-экономической истории Французской революции, чем в том, что он правильно разрешил вопросы, которые были связаны с участием в ней рабочих. В данной области им намечены были только некоторые общие пути. Но, тем не менее, после появления в свет его труда стало невозможным то изолированное изучение чисто политической истории Французской революции XVIII в., которому отдавали свои силы вплоть до А. Олара почти все без исключения буржуазные историки.

Крупная заслуга принадлежит недавно скончавшемуся русскому историку Е. В. Тарле, который в своих трудах сумел в известной степени заполнить ряд существовавших в историографии «белых пятен». Уделив именно наемным рабочим особое внимание, он в результате длительных архивных разработок сумел сказать о положении их в период революции XVIII в. и об их борьбе много больше, чем кто-либо из его предшественников. Особенно большую ценность представляла уже первая написанная им монография, посвященная рабочим четырех национальных мануфактур в эпоху революции¹². Опираясь на большой документальный материал, Е. В. Тарле рассказывает в книге о том, «как отражалась на рабочих происходившая революция, какова была повседневная жизнь мастерских и мануфактур, каковы были характерные особенности этого класса, еще смутно создававшего всю особенность своего положения и своих интересов». В монографии детально прослеживается, как складывались после начала революции отношения между рабочими и представителями сперва королевской, а позднее жирондистской и якобинской администрации и как боролись рабочие не только за свои материальные интересы, но и за свои гражданские права. Однако, приводя ряд неоспоримых свидетельств выступлений рабочих с чисто политическими требованиями и говоря, например, об их борьбе за предоставление им прав активных граждан или об их стремлении добиться участия в управлении мануфактурами, Е. В. Тарле, чуждый тогда марксистской методологии, принимал в этом труде степень политической активности рабочих и всячески подчеркивал, вопреки собранным им же самим фактам, что «никаких следов сколько-нибудь живого, активного интереса к политическим событиям мы среди рабочих почти не видим (если не считать двух — трех фактов) вплоть до падения монархии» и что даже и после этого падения, в 1793—1794 гг., «все помыслы рабочих будто бы «безраздельно поглощались» лишь их «отчаянным материальным положением»¹³.

В первом томе своего основного труда, «Рабочий класс во Франции в эпоху революции»¹⁴, Е. В. Тарле показал, как складывалась после начала революции повседневная жизнь рабочих, и не в пример многим другим буржуазным историкам правильно вскрыл истинную природу закона Ле Шапелле. Он убедительно доказал всю беспочвенность обычных в буржуазной историографии утверждений относительно мотивов, побудивших Учредительное собрание единогласно принять этот закон. В противовес Жоресу Е. В. Тарле вслед за К. Марксом утверждает, что закон этот ставил своей задачей прежде всего именно «обезоружить пролетариат», а вовсе не покончить лишь с последними пережитками феодализма — корпорациями, как на этом настаивал Жорес. Е. В. Тарле, тогда еще стоявший на либерально-буржуазных позициях, и в этом своем

¹¹ Ж. Жорес. Учредительное собрание. М. 1920, стр. 480, 481.

¹² Е. В. Тарле. Рабочие национальных мануфактур во Франции в эпоху революции. СПб. 1908.

¹³ Там же, стр. 3, 191, 190.

¹⁴ Е. В. Тарле. Рабочий класс во Франции в эпоху революции. СПб. 1909—1911. Т. I—II.

капитальное исследование приводит много примеров активного участия наемных рабочих в политических событиях революционного периода, но в то же время упорно, как и раньше, подчеркивает, что тогда «рабочие оказались еще совершенно неспособными активно и сколько-нибудь самостоятельно вмешаться в борьбу партий и выступить на политической арене с определенными требованиями». По его мнению, «политические интересы... Были для них еще слишком большой и сложной абстракцией»¹⁵.

Несмотря, однако, на эти заблуждения, труды Е. В. Тарле представляли все же большой шаг вперед в изучении истории рабочего движения. Они действительно впервые знакомили с условиями труда, жизнью и борьбой французских рабочих в период революции и одновременно устанавливали наличие уже в то время острейших классовых противоречий между нарождавшимся рабочим классом и только что пришедшей к власти буржуазией. Понятно, что труды русского историка не могли остаться незамеченными и не оказали серьезного влияния на последующую историографию вопроса. Уже первая книга Е. В. Тарле, о рабочих национальных мануфактур, была вскоре переведена на немецкий язык¹⁶, а французских читателей с ее содержанием познакомил историк Реоннар, опубликовавший в «Annales révolutionnaires» четыре статьи, написанные по материалам, собранным Е. В. Тарле¹⁷. В различных исторических журналах появились обстоятельные рецензии и о главном труде Тарле¹⁸, а в 1911 г. в указанном выше журнале была опубликована статья Путаса «Учредительное собрание и рабочий класс»¹⁹, подвергавшая критическому разбору (хотя и без прямого упоминания имени Тарле) именно выводы русского исследователя. Путас утверждал, что в период революции XVIII в. можно было наблюдать лишь только некоторые «расхождения» внутри третьего сословия и что рабочие в то время не помышляли еще о борьбе против капиталистов²⁰. Он заявлял, что французские рабочие в период революции XVIII в. были совершенно «аполитичны» и вследствие этого не могли оказать никакого серьезного влияния на ее ход и тем более исход. То, что закон Ле Шапелле — лишь чисто случайное и временное мероприятие, мало что изменившее в правовом положении рабочих, утверждал в противовес Е. В. Тарле и французский историк Р. Пикар, автор книги «Наказы и рабочие классы». «Рабочее законодательство датируется лишь XIX веком», — заявлял он и далее в противоречии с самим собой приписывал французским рабочим революционной эпохи все же «сознание своих классовых интересов»²¹.

Таким образом, выводы русского историка относительно наличия классового антагонизма между рабочими и буржуазией уже в период революции XVIII в., а также относительно классово направленного закона Ле Шапелле были приняты накануне первой мировой войны лишь некоторыми, более проникательными французскими буржуазными историками. Понадобился опыт Великой Октябрьской социалистической революции в России и ожесточенных классовых боев пролетариата во всем мире, чтобы заставить историков Французской революции XVIII в. понять, что уже тогда налицо были острые противоречия между впервые пришедшей к власти буржуазией и еще только складывавшимся рабочим классом и что рабочие уже и в ходе буржуазно-демократической революции XVIII в. играли активную политическую роль.

Правда, мысль о рабочих как об одной из основных движущих сил революции нелегко прокладывая себе дорогу в среде буржуазных историков. Еще в 20-х годах мы сталкиваемся с традиционным отрицанием исторической роли рабочего класса, например, в статье известного специалиста по социально-экономической истории Фран-

¹⁵ Там же. Т. I, стр. 212, 196.

¹⁶ E. Tardé. Studien zur Geschichte der Arbeiterklasse in Frankreich während der Revolution. Die Arbeiter der nationalen Manufakturen. Leipzig. 1908.

¹⁷ См. его статьи в «Annales révolutionnaires» за 1910—1911 годы. Позднее они были объединены автором в книгу «Les ouvriers des manufactures nationales sous la Révolution». Paris. 1917.

¹⁸ См. Н. И. Кареев. Изучение Французской революции вне Франции. Л. 1925, стр. 220.

¹⁹ Pouthas. La Constituante et la classe ouvrière. «Annales révolutionnaires». 1911, p. 153, suiv.

²⁰ Там же, стр. 182.

²¹ R. Picard. Les Cahiers de 1789 et les classes ouvrières. Paris. 1910, pp. 112, 117; см. его же. La Théorie de la lutte des classes à la veille de la Révolution française. «Revue d'économie politique». 1911, p. 633.

ции XVIII в. А. Сэ. Последний я в 1922 г. попрежнему утверждал, что в 1789—1794 гг. французские рабочие еще не помышляли о классовой борьбе, и если и принимали участие в отдельных политических событиях революционной эпохи, то делали это чисто стихийно, повинуясь исключительно одному только чувству голода²².

О том же твердила в 1924 г. англичанка М. Г. Яффе, автор монографии «Рабочее движение в период Французской революции (1789—1791)». Она также полагает, что в ту эпоху еще не существовало никакого классового антагонизма в собственном смысле слова, и считает точку зрения К. Маркса на закон Ле Шапелле «чресчур упрощенной». Роль рабочих в революции, по ее мнению, не была сколько-нибудь значительной²³.

Голодными бунтарями, чуждыми политических устремлений, изображает парижских безработных и автор исследования «Парижские благотворительные мастерские в период Французской революции (1789—1791)» Форадо-Кунье²⁴. Собранный ею материал, однако, позволяет судить как раз о том, как остро стоял уже в самом начале революции вопрос о положении безработных, число которых достигало в Париже 30 тыс. чел., и как сильно страшилась пришедшая к власти буржуазия возможности умных выступлений рабочих масс. Страх этот, безусловно, вызвал быстрое закрытие благотворительных мастерских, что привело в июне 1791 г. к серьезным волнениям не только среди самих безработных, но и среди занятых на производстве рабочих. В петициях, подававшихся Учредительному собранию, уже явно слышался грозный голос вступающего на путь классовой борьбы пролетариата: «Хлеба яли немедленной работы». Уже одно то, что роспуск мастерских (16 июня 1791 г.) совпал по времени с принятием Учредительным собранием закона Ле Шапелле, доказывает, как глубоко неправы те буржуазные историки, которые считали этот закон лишь временным и случайным мероприятием и не видели в нем первого звена в цепи направленных против рабочих репрессивных мероприятий.

Большой заслугой проф. А. Матьева, крупнейшего историка Французской революции XVIII в., являлось то, что он, не будучи марксистом, но безусловно находясь под идейным влиянием марксизма, ядя дальше по стопам Жореса, не только стремился дать материалистическое объяснение фактам политической истории Французской революции, но и отказался от того пренебрежительного отношения к движению народных низов, и в частности рабочих, которое, как мы знаем, было присуще большинству представителей буржуазной исторической науки. Сплотив вокруг издававшегося им с 1908 г. журнала «Annales révolutionnaires»²⁵ группу радикально настроенных историков, А. Матьез уже за несколько лет до первой мировой войны энергично взялся за разработку различных сторон социально-экономической истории революции и после длительных архивных разысканий опубликовал в 1927 г. свой основной труд «Борьба с дороговизной и социальное движение в эпоху террора»²⁶. В этом исследовании Матьез по-новому для буржуазной историографии поставил вопрос о политической борьбе 1793—1794 гг. и убедительно доказал, что борьба отдельных фракций и группировок, заполнявшая собой страницы политической истории революционного периода, была теснейшим образом связана с теми острейшими классовыми схватками, которые были вызваны прежде всего возросшими продовольственными затруднениями. В этих схватках народные низы, беднейшие ремесленники, крестьяне и прежде всего наемные

²² H. Sée. Les classes ouvrières et la question sociale à la veille de la Révolution. «Annales révolutionnaires». 1922, № 5, p. 386.

²³ M. G. Jaffé. Le mouvement ouvrier à Paris pendant la Révolution française. Paris. 1924, p. 196, 18.

²⁴ Forado-Cunéo. Les Ateliers de Charité de Paris pendant la Révolution française (1789—1791). «Révolution française», 1933—1934, p. 86—87.

²⁵ С 1924 г. выходит под названием «Annales historiques de la Révolution française». После смерти А. Матьева в 1932 г. главным редактором журнала стал проф. Ж. Лефевр.

²⁶ A. Mathiez. La vie chère et le mouvement social sous la terreur. Paris. 1927. Русский перевод: А. Матьез. Борьба с дороговизной и социальное движение в эпоху террора. М. 1928.

разные, другими словами, плебейские низы, принимали самое активное участие. В революцию, следовательно, они играли важную политическую роль, а максимум и другие аналогичные революционные мероприятия осени 1793 г. были прямо навязаны ими якобинцам.

Поставить по-новому вопрос позволило А. Матьезу не только сознание могучей роли рабочих масс, так ярко продемонстрированное победоносной Октябрьской революцией в России, но также и результаты отдельных монографических исследований, в частности известный труд Кропоткина, который при описании революционных событий отводил большое место именно плебеям²⁷. Эти исследования показали наличие в Париже значительных масс наемных рабочих, занятых на мануфактурах и на дому и отнюдь не безразлично относившихся к развитию политических событий. Кроме того, ко времени окончания первой мировой войны успела продвинуться вперед и публикация различных документальных материалов, особенно по социально-экономической истории Парижа в период революции²⁸. Среди подобных исследовательских работ занимают особое место прежде всего труды М. Руффа, посвященные анализу социального состава участников разгрома мануфактуры Ревельона и Анрио в Париже в апреле 1789 г., а также народных волнениям в дни 30 июня и 30 августа того же года²⁹. М. Руфф, опираясь на материал архивов, убедительно доказывает, что, вопреки всем утверждениям историков-реакционеров, нападение на мануфактуру было совершенно не бандитским и другими уголовными преступниками, а парижскими пролетариями³⁰. Он доказывает также, что волнения, приведшие незадолго до взятия Бастилии к захвату народом тюрьмы Аббатства и освобождению заключенных в ней солдат, бравшихся с беднотой, как и волнения, связанные с вопросом об абсолютном вето короля (30 августа), носили чисто политический характер и в них принимали участие почти исключительно одни парижские рабочие.

Не меньшее, если не большее значение имели и статистические исследования Ф. Брэнша³¹, которые показали, какое большое место среди прочих слоев парижской бедноты занимали уже накануне революции наемные рабочие: их насчитывалось вместе с семьями до 300 тыс. человек, и они составляли наибольшую часть населения Парижа (550 тыс. человек).

Хотя Матьез и рассматривает вопросы о положении и борьбе рабочих масс лишь попутно, трудно переоценить значение его исследований и для интересующего нас здесь вопроса. Опираясь на огромный архивный материал, он показал, что плебейские низы, в состав которых входили в качестве основной части наемные рабочие, вовсе не являлись политически инертной массой, а, наоборот, на протяжении всего революционного периода, и в особенности в период Конвента, были важнейшей движущей силой буржуазно-демократической революции. Мысль, высказанная классиками марксизма еще в 40-х годах прошлого века, таким образом, получила свое новое подтверждение в труде радикально настроенного буржуазного историка, показавшего, что без непосредственного вмешательства в политическую борьбу трудящихся масс даже и Якобинский конвент не пошел бы столь далеко по пути демократических преобразований и не нарушил бы столь сильно интересы более зажиточных слоев, как это случилось в действительности в 1793—1794 годах.

Хотя, по мнению А. Матьеза, французские рабочие были и до революции лишены классовой сознательности, но в ходе самих революционных событий они научились отделять свои собственные интересы от интересов буржуазии и «впервые сформу-

²⁷ Кропоткин. Великая Французская революция. СПб. 1914 (на французском языке вышла в 1909 г.).

²⁸ См. библиографический указатель в книге «Французская буржуазная революция 1789—1794». М.-Л. 1941, стр. 741—744.

²⁹ M. Rouff. Le personnel des premières émeutes de 1789. «Révolution française», septembre 1909, p. 57; его же. Le peuple ouvrier à Paris aux journées du 30 juin et du 30 août 1789. Там же, 1912, стр. 68.

³⁰ То же самое, по существу, подтверждает и реакционный историк Колло в статье о деле Ревельона. Collot. L'affaire Réveillon. «Revue des questions historiques», novembre 1934 et mars 1935.

³¹ F. Braesch. Essai de statistique de la population ouvrière de Paris vers 1789. «Révolution française». T. 63. 1912, p. 289; его же. La Commune du 10 août 1792. Paris. 1911.

лировали свое право на существование». Несмотря на то, что революция носила буржуазный характер, рабочие «считали ее своим собственным делом»³² и не только принимали в ней горячее участие, но и начали уже тогда «создавать свою силу»³³.

А. Матьез, следовательно, в противоположность Е. В. Тарле и другим историкам не только не поддерживает взгляда о мнимой апolitичности пролетариата того времени и его идейной зависимости от буржуазии, но, наоборот, склонен скорее преувеличивать степень его классовой сознательности и силы в прошлом.

Взгляды, высказанные Матьезом по поводу экономики Франции конца XVIII в. и удельного веса в ней пролетариата, а также активного участия рабочих во Французской революции XVIII в., оказали заметное влияние на многих других прогрессивных настроенных историков, сумевших дать ряд серьезных монографических исследований, в которых роль рабочих масс в революции расценивалась уже совершенно по-иному, чем раньше. Среди этих исследований необходимо прежде всего остановиться на капитальном труде К. Ришара, посвященном анализу социально-экономической политики Якобинского конвента и озаглавленном «Комитет общественного спасения и военное производство при терроре»³⁴. Хотя и Ришар лишь попутно касается положения и борьбы рабочих, он дает так много нового материала о них, что мимо его исследования не может пройти ни один историк, интересующийся социальной историей революции XVIII века. Книга Ришара прежде всего позволяет судить о том, в каких тяжелейших условиях приходилось жить и трудиться даже и при якобинском правительстве рабочим, занятым в военной промышленности. Комитет общественного спасения, озабоченный лишь получением возможно большего количества оружия и боеприпасов, мало думал об улучшении положения рабочих путем повышения заработной платы и уменьшения огромного и по тем временам рабочего дня (14—16 часов). Никакой охраны труда даже детей и женщин не существовало, а закон Ле Шапелье не только сохранял свою силу при якобинцах, но был заострен специальным постановлением Комитета. Таким образом, документальные данные, собранные Ришаром, еще раз вполне подтвердили указание К. Маркса относительно сохранения и правительством Робеспьера всех законов Учредительного собрания, направленных против рабочих³⁵. Однако эти данные целиком опровергают утверждение Матьеза, неправильно полагавшего, что вождь мелкобуржуазных якобинцев весной 1794 г. «перешел за пределы демократической политики» и «стоял на пути к социальной (то есть социалистической.—С. К.) революции»³⁶.

Наоборот, материалы, собранные К. Ришаром, показывают, что для подобной оценки Робеспьера нет ровно никаких оснований. Несмотря на известные эгалитаристские устремления многих членов Комитета общественного спасения, последний все же упорно стремился избежать национализации каких-либо предприятий, хотя это подчас наносило прямой ущерб интересам обороны. Правительство Робеспьера не только широко финансировало капиталистов, бравшихся поставлять государству оружие, но и снабжало последних рабочей силой. При этом оно жестоко карало рабочих за попытки оказывать сопротивление эксплуатации.

Для подтверждения этого своего положения К. Ришар приводит характерный ответ Комитета общественного спасения властям округа Отэна, где был расположен знаменитый уже в то время завод Крезю. В связи с выражением этими властями пожеланием видеть «этот первейший арсенал Франции и Европы» собственностью нации Комитет в лице Карно и Приера указал, что «интересы самого этого предприятия требуют мероприятий, обратных предложенным», и что у Комитета на этот счет суще-

³² A. Mathiez. La question sociale pendant la «Révolution française», Paris. 1921, p. 37.

³³ A. Mathiez. Борьба с дороговизной и социальное движение в эпоху террора. М. 1928, стр. 45. См. также его статью в «Annales révolutionnaires», Novembre—décembre 1930: «Note sur l'importance du prolétariat en France à la veille de la Révolutions».

³⁴ C. Richard. Le Comité de Salut Public et les fabrications de guerre sous la terreur. Paris. 1922.

³⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XXIII, стр. 233—234 (письмо от 30 января 1865 г.).

³⁶ A. Mathiez. La réaction thermidorienne, p. 2.

стует лишь одно мнение: «ни одно промышленное предприятие не должно содержаться за счет республики»³⁷.

К. Ришар далее подробно рассказывает, как сопротивлялись наемные рабочие всем попыткам заставить их в интересах обороны подчиняться частным предпринимателям-капиталистам. Но он все же, как это и характерно для ученика Матьеза, склонен к идеализации Комитета общественного спасения и, осуждая рабочих за сопротивление и изображая Комитет стоящей над классами национальной властью, «отвлекается» как от огромных прибылей подрядчиков и мануфактуристов, так и от тяжелых условий труда, существовавших на оборонных предприятиях. Он возмущается тем, что недостаточно сознательные рабочие позволяли себе бастовать даже в грозные для Республики дни. Однако тех данных, которые приводятся им же самим, вполне достаточно, чтобы опровергнуть обычные рассуждения буржуазных историков относительно будто бы полной политической инертности рабочих в период революции XVIII века. Наоборот, рабочие активно участвовали в политической борьбе, выступали на заседаниях «Народных обществ», революционных клубов и комитетов, они постоянно читали «Père-Duchêne» и другие левые парижские листки.

Среди монографических исследований, сообщающих много новых сведений о политической активности французских рабочих в период революции и особенно в период Якобинского конвента, следует указать на статьи реймского историка Г. Лорана, посвященные жизни и деятельности одного из двух пролетариев, заседавших в революционном конвенте в 1792—1794 гг., — ткача Ж. Б. Армонвилля³⁸. Г. Лоран восстанавливает светлый образ этого пролетария-якобинца, позднее примкнувшего к бабувистам, и одновременно опровергает ту бесстыдную ложь, которую распространяли о нем не только его современники-термидорианцы, но впоследствии и многие историки-реакционеры. Г. Лоран не соглашается с теми историками, которые утверждают, что в конце XVIII в. французские рабочие были еще настолько незрелы, что вовсе не выдвигали вопроса об устранении частной собственности и не противопоставляли ей никакого другого идеала. «В Реймсе (на родине Армонвилля) дело обстоит, однако, по-иному, — указывает он, — поскольку здесь, вопреки мнению Жореса, пролетарии... во время выборов (в Конвент) играли первостепенную роль, и наемные рабочие выражали голосом Армонвилля свои твердые убеждения»³⁹.

Другой историк, Э. Соро, выступивший в печати в конце 20-х годов в ряде работ, посвященных как городскому, так и сельскому пролетариату в период буржуазной революции, вполне соглашается с Лораном и также считает, что нет никаких оснований говорить о том, что в 1789 г. во Франции еще вообще не существовало никакого «рабочего вопроса»⁴⁰. Хотя рабочие тогда еще и были чужды коммунистической идеологии, общность интересов порождала среди них, по его мнению, известный «классовый дух». Жестокая эксплуатация со стороны предпринимателей-капиталистов, но шадивших ни взрослых мужчин и женщин, ни детей 4—5-летнего возраста⁴¹, эксплуатация, которая не только не уменьшилась при якобинцах, но даже усилилась, способствовала развитию среди рабочих чувства солидарности и обусловила их многочисленные выступления. Эти выступления, подчеркивает Э. Соро, безусловно, оказывали самое серьезное и глубокое влияние на ход и исход революционных событий. Об этих выступлениях Э. Соро рассказывает в ряде своих исследований, неизменно подчеркивая политическое значение активного участия рабочих масс и в борьбе за республику в 1791—1792 гг.

³⁷ C. Richard. Указ. соч., стр. 329. См. также G. Bourgin. Regie au entreprise? «Revue d'histoire économique et sociale», 1912, p. 165.

³⁸ G. Laurent. Un conventionnel ouvrier J. B. Armonville. «Annales historiques», 1924, p. 217, 315.

³⁹ Там же, стр. 236.

⁴⁰ E. Soreau. Ouvriers et paysans de 1789 à 1792. Paris. 1936, p. 29; A la veille du 9 thermidor. Paris. 1933, p. 36, 40. В рецензии на книгу Э. Соро проф. Ж. Лефевр соглашается, что рабочие накануне революции «были воодушевлены большим классовым духом, чем это обычно принято думать». См. «Annales historiques», 1937, p. 377.

⁴¹ E. Soreau. Ouvriers et paysans, p. 80; Note sur le prolétariat dans la région de Versailles pendant la Révolution. «Annales historiques», 1933, p. 433; Note sur le travail des enfants dans l'industrie pendant la Révolution. «Revue des études historiques», 1935, p. 15.

завершившейся штурмом Тюильрийского дворца и падением монархии⁴², и в сентябрьских событиях 1793 г., приведших к тому, что террор был поставлен в порядок дня⁴³, и позднее в событиях, предшествовавших перевороту 9 термидора⁴⁴. Особенно большое внимание уделяет Соро закону Ле Шателье и вообще рабочей политике пришедшей к власти крупной буржуазии. В мероприятиях против рабочих Э. Соро справедливо усматривает не явления временного или случайного порядка, а настоящие «ограничительные законы» нового общественного строя. «Ролан полагает, что труд за самую низкую плату является необходимостью, — констатирует он, — мудрый и добрый Байи, сторонники Лафайета и жирондисты не думают иначе. Считается вполне естественным, что дети работают с 4-летнего возраста и часто в тягчайших условиях». Обращая внимание на подобное отношение к рабочим различных представителей революционной буржуазии, а также всех правителей, рожденных революцией, Э. Соро не делает исключения и для правительства Робеспьера. «Дух, владевший Ле Шателье», владел и Комитетом общественного спасения⁴⁵, когда он поддерживал частных предпринимателей и вводил тягостные для рабочих порядки на заводах и мануфактурах, подчеркивает он.

Труды умершего в 1932 г. А. Матьеза, а также его учеников и последователей, безусловно, значительно расширили круг сведений как о положении французских рабочих в период революции XVIII в., так и об их борьбе (в одних рядах с другими представителями плебейства) не только против абсолютизма, но и против капиталистической эксплуатации. Взгляды их на участие рабочих в событиях революционного периода мало в чем совпадали со взглядами других историков как реакционного, так и либерально-буржуазного направлений. В результате монографических исследований как самого А. Матьеза, так и его учеников скоро стало почти невозможным просто, как это делалось раньше, скидывать со счетов роль, сыгранную рабочими массами, и не признавать их одной из основных движущих сил буржуазно-демократической революции. Мысль, впервые высказанная Марксом и Энгельсом, о решающем значении выступлений плебейских низов для исхода революции вошла теперь в научный оборот настолько прочно, что, например, заявление проф. Ж. Буржена о том, что победа над старым порядком «являлась торжеством буржуазии, но таким торжеством, которое стало возможным лишь благодаря революционному воодушевлению пролетариата»⁴⁶, не встретило в 1946 г. в кругах буржуазных историков возражений. В наши дни лишь редко можно услышать голоса историков, продолжающих, подобно правым социалистам Доллеану и Деову, попрежнему твердить, что в период революции XVIII в. во Франции еще не существовало вообще никакого рабочего движения и что «мятежные выступления рабочих масс вызывались тогда лишь чувством голода»⁴⁷.

Следует, однако, отметить, что развитию правильных представлений о роли рабочих в революции XVIII в. не способствовала, а помешала двухтомная монография Д. Герэна «Классовая борьба в период Первой республики. Буржуа и люди физического труда («bras nus») в 1793—97 гг.»⁴⁸. Книга, вышедшая в 1946 г., возбудила большой интерес у реакционных буржуазных историков не одной только Франции. Многие из них поспешили объявить, что монография Герэна «является, несомненно, первой серьезной попыткой марксистской интерпретации истории Французской революции» и «наиболее систематическим марксистским сочинением о Французской

⁴² E. Soreau. Ouvriers et paysans, p. 193.

⁴³ E. Soreau. Ouvriers aux journées du 4—5 septembre 1793. «Annales historiques», 1937, p. 436.

⁴⁴ E. Soreau. A la veille du 9 thermidor. Paris. 1933.

⁴⁵ E. Soreau. La loi de Le Chapelier. «Annales historiques», 1933, p. 297, 301, 299, 306; см. также статью «Note sur les campagnes ouvrières avant et après la Révolution». «Annales historiques», 1929, p. 181.

⁴⁶ См. его предисловие к книге P. Chauvet. Insurrection parisienne et la prise de la Bastille. Paris. 1946.

⁴⁷ Dolléans et Déhove. Histoire du travail en France. Paris. 1953, p. 138.

⁴⁸ D. Guérin. La lutte des classes sous la première république. Bourgeois et «bras nus» (1793—97). Paris. 1946. T. I—II.

революции, когда-либо написанным французом»⁴⁹. То обстоятельство, что реакционные буржуазные историки, обычно старающиеся не замечать трудов подлинных историков-марксистов, обратили столь большое и благосклонное внимание на книгу Герэна, заставляет насторожиться. Перелистывая страницы его объемистого сочинения, основанного, к слову сказать, исключительно на одних печатных материалах, начинаешь, однако, скоро понимать, в чем дело: написанная с совершенно чуждых и враждебных марксизму, по существу троцкистских позиций, книга Герэна дает такую интерпретацию борьбы классов и партий в период Первой республики, против которой нет никакой необходимости возражать представителям современной реакционной буржуазной историографии. Недаром они и сами отмечают, что, несмотря на сугубо «революционную» фразеологию, книга эта «до курьеза напоминает более старые работы, написанные с крайне правых позиций»⁵⁰.

Поскольку эта попытка троцкистской фальсификации истории Французской революции XVIII в. не была отмечена и разоблачена на страницах советской печати, стоит, мы думаем, остановиться на ней несколько подробнее. Уже во введении к книге подчеркивается, что Французская революция XVIII в., буржуазная по своим задачам и целям, являлась в то же время «перманентной» по своему внутреннему содержанию и что вследствие этого будто бы в течение всего революционного периода во Франции наблюдалось «сосуществование» буржуазной революции и «эмбриона» революции пролетарской⁵¹. Герэн при этом обвиняет всех своих предшественников в сознательном игнорировании этого пролетарского «эмбриона» и в троцкистском духе противопоставляет все без исключения классы и партии Французской революции в качестве «единой реакционной массы» городским плебейским низам — предпролетариату. Избегая тщательного изучения и анализа на документальном материале изменяющегося в ходе революции соотношения классовых сил, Герэн сваливает в одну кучу самые различные социальные группы. Все общественные классы, по его словам, выступали с самого начала революции заодно с буржуазией, против единственного носителя ее духа — пролетариата, против «gras pus» — людей физического труда. «Французская революция являлась прежде всего делом эксплуатируемых масс», и только одное участие в ней «gras pus» имело для ее исхода решающее значение⁵², заявляет он.

Разумеется, все эти крикливые рассуждения не имеют ничего общего с исторической действительностью. И в наши дни пролетариат повсеместно находит себе союзников среди широких масс трудящихся города и деревни. Что же касается Франции конца XVIII в., то, как известно, имевшиеся в ней рабочие капиталистических мануфактур были еще тысячами нитей связаны с городскими ремесленниками и с крестьянством.

Усматривая, подобно всем троцкистам, смысл происходивших событий в диктатуре одного революционного города Парижа над отсталой крестьянской страной и сводя все многообразное содержание революционного процесса фактически к «борьбе одного класса», который уже в то время противопоставлял свои интересы интересам других классов⁵³, Герэн не уделяет почти никакого внимания ни многомиллионному французскому крестьянству, ни городской мелкой буржуазии, являвшейся, по его словам, «наиболее жестоким врагом санкюлотов», под которыми он понимает исключительно одних «gras pus». Все сказанное Марксом относительно немецкой мелкой буржуазии времен революции 1848 г. он относит к французским мелким собственникам конца XVIII века⁵⁴.

Подобная характеристика непролетарских слоев трудящихся позволяет Герэну

⁴⁹ См. рецензию Томпсона в «English historical Review», July 1947, и Пальмера в «Journal of Modern History», December 1947. Характерно, что и в своем недавнем докладе на X конгрессе историков в Риме проф. Г. Риттер называет книгу Герэна «радикально-марксистским сочинением». См. «Relazioni generali e supplementi». Vol. VI, p. 195.

⁵⁰ Там же.

⁵¹ D. Guérin. Указ. соч. Т. I, стр. 5, 9—10 («Coexistence»).

⁵² D. Guérin. Указ. соч. Т. II, p. 407.

⁵³ D. Guérin. Указ. соч. Т. I, p. 76 («...qui déjà s'affirme en face des autres classes»).

⁵⁴ Там же, стр. 13.

попросту «не замечать» революционного движения огромных масс французского народа, нашедших, как известно, в 1793—1794 гг. именно в якобинцах выразителей своих интересов. В его книге поэтому лишь мимоходом говорится о Ж.-Ж. Руссо, а характерные для широких масс мелких непосредственных производителей уравнительные тенденции в полном противоречии с исторической действительностью приписываются исключительно лишь одним «gras pus» и их единственным будто бы представителям — «бешеным». Вместе с тем для Герэна не существует вовсе тех огромных противоречий внутри самой революционной демократии, которые обнаружились после прихода к власти якобинцев. Поэтому он не в силах понять всей трагичности в положении Робеспьера и робеспьеристов, не сумевших в силу классовой ограниченности своей мелкобуржуазной социально-экономической программы обеспечить себе достаточную опору в массах трудового народа, среди которых наемные рабочие играли заметную роль, и одновременно своими уравнительными мероприятиями восстановивших против себя всех крупных собственников.

Подменяя подлинный, научный анализ подобным вздором, Герэн даже заговор Бабефа ухитряется представить в виде какого-то первого шага к научному коммунизму. Бабунизм, заявляет он, вел свое происхождение не от утопических представлений, а уже от научного анализа экономических явлений. Бабеф «близко подошел к разрешению тайны прибавочной стоимости» и, по существу, задолго до Маркса сам «написал первую главу «Капитала»⁵⁵.

Сказанного достаточно, чтобы судить об истинном характере сочинения Герэна. Прикрываясь сугубо революционной фразеологией, автор его только повторяет давно известные клеветнические утверждения наиболее реакционных историков Французской революции XVIII в. и заодно под видом «марксизма» стремится протолкнуть давно отброшенные и осужденные международным пролетариатом контрреволюционные идеи троцкистов, извращающие учение Маркса о перманентной революции.

Фальсифицирующая историю Французской революции, книга Герэна была, как мы уже знаем, встречена приветствиями со стороны реакционных, главным образом английских и американских, историков. Но в то же время в кругах прогрессивной исторической науки во Франции и в ряде других стран она вызвала понятное возмущение. Во Франции нашелся только один историк, склонный вслед за Герэном усматривать в буржуазной революции XVIII в. «эмбрион» революции пролетарской, — Р. Ру, автор статьи «Французская революция и идея борьбы классов»⁵⁶. Он понимает под санкюлотами также одних только пролетариев и в их борьбе против буржуазии усматривает истинное содержание революции. В известных вантозовских декретах якобинского правительства, предусматривавших конфискацию имущества подозрительных и передачу его немущим, он видит «грандиозную общественную экспроприацию», а Бабефу приписывает не только ясное классовое сознание, но и понимание механизма «эксплуатации труда капиталом»⁵⁷.

Одним из первых откликнулся на книгу Герэна проф. Ж. Лефевр, преемник А. Матеза на кафедре в Сорбонне и редактор «Исторических Анналов Французской революции». В обстоятельной рецензии он подверг памфлет Герэна уничтожающей критике. Отметив, что различные группы буржуазии «засунули им в одну корзину», Ж. Лефевр указывает, что само понятие «пролетариат» совершенно произвольно распространяется Герэном вообще на всех санкюлотов, тогда как в действительности наемные рабочие среди них не составляли тогда даже большинства. Лефевр далее правильно усматривает основной порок книги Герэна в том, что борьба якобинцев против иностранной интервенции отодвинута в ней на второй план, а на первый план выдвигается в качестве «главнейшей» будто бы задачи защита интересов крупных собственников от покушений со стороны рабочих. В действительности же рабочие в конце XVIII в. были еще очень далеки от выдвижения каких-либо опасных для буржуазии социальных

⁵⁵ D. Guérin. Указ. соч. Т. II, стр. 344.

⁵⁶ R. Roux. Révolution française et l'idée de lutte des classes. «Revue d'histoire économique et sociale». 1951, № 3.

⁵⁷ Там же, стр. 270, 271. См. по поводу выступления Р. Ру интересную статью А. Soboul. A propos d'un article sur la révolution française. «Annales», octobre—septembre 1952.

требований и неспособны были еще вести борьбу за переустройство общества. Книга Герэна, по мнению Ж. Лефевра, «прямо кишит спорными и непримлемыми положениями», и в ней совершенно искажена историческая перспектива⁵⁸.

И более молодые прогрессивные историки Французской буржуазной революции также не могли пройти мимо антинаучных построений Герэна и Ру. Они воспользовались необходимостью дать решительный отпор попытке новейшей фальсификации ее истории, чтобы, во-первых, по возможности уточнить роль наемных рабочих в политической борьбе 1789—1794 гг. и, во-вторых, найти наконец правильное решение в споре между теми историками, которые, подобно, например, Е. В. Тарле или А. Сэ, преуменьшали или отрицали роль, сыгранную рабочими в буржуазной революции, и теми из них, которые, подобно А. Матьезу или Э. Соро, склонны были в известной мере преувеличивать значение их участия в борьбе и даже признавали, как мы уже знаем, наличие у рабочих того времени не только «классового духа», но даже и «сознания собственной силы». Большая заслуга в этом отношении принадлежит, бесспорно, двум историкам-марксистам — А. Соболю, выступившему в научной печати еще в конце 30-х годов⁵⁹ и ставшему с тех пор одним из постоянных сотрудников «Исторических Annalов», и в особенности преподавателю Лондонского университета Ж. Рюде, сумевшему за короткий срок дать ряд интереснейших исследовательских работ в области социальной истории революции. Оба они взяли на себя труд научной проверки утверждений Герэна и Ру и в ряде своих статей камня на камне не оставили от их утверждений относительно будто бы пролетарского характера движения парижских санкюлотов и наличия «пролетарского эмбриона» в буржуазной Французской революции XVIII века.

Ж. Рюде останавливался прежде всего на выяснении социального состава парижских санкюлотов, принимавших активное участие в различных массовых выступлениях, начиная с дела Ревельона в апреле 1789 г. и кончая восстаниями в жерминале и прирале III года Республики⁶⁰, о которых столь много ценных сведений дает одна из последних монографий Е. В. Тарле⁶¹. Для этого он обратился к недостаточно использованным ранее источникам: полицейским донесениям, протоколам допросов арестованных полицией санкюлотов — участников отдельных народных выступлений, протоколам заседаний парижских секций, а также Комитета общей безопасности. Тщательно изучены были им и статистические материалы, собранные Эршом при подготовке монографии о Коммуне 10 августа 1792 г., о которых уже говорилось выше. В результате Рюде пришел к выводам, несколько не подтверждающим домыслы Герэна и Ру. Бесспорно, что во времени революции 1879 г. во Франции уже существовал класс наемных рабочих, занятых главным образом на многочисленных рассеянных и централизованных мануфактурах. Среди «мелкого люда» Парижа («*petit peuple*»), в состав которого входили также многочисленные бедные ремесленники, служащие, мелкие лавочники и т. д., наемные рабочие действительно отличались наибольшей активностью. Они участвовали и застрельщики всех без исключения народных выступлений в период революции. Однако, отличаясь по своему экономическому положению уже достаточно резко от других групп «мелкого люда», рабочие еще не выдвигали тогда сколько-нибудь решительно своих особых социальных требований и не отделяли своих интересов от интересов других санкюлотов. Вместе со всем «мелким людом» они выступали в первую очередь как борцы за дешевый хлеб, за снижение цен на продукты первой необходимости, выступали против спекуляции и ненавистной всей бедноте свободы торговли⁶². Неоднократно боролись рабочие и за повышение заработной платы, но в условиях того времени (инфляция) вопрос об улучшении условий труда имел для них куда меньшее

значение, чем вопрос о дешевом хлебе⁶³. Отсюда следует, что стачки и связанная с ними борьба против предпринимателей-капиталистов «имела для социального конфликта той эпохи второстепенное значение»⁶⁴. В этом смысле действительно «рабочий вопрос тогда еще вовсе не ставился так, как он будет ставиться позднее»⁶⁵. Из этого следует, согласно Ж. Рюде, что нельзя говорить не только о «пролетарском эмбрионе», будто бы противостоявшем уже тогда всем остальным классам французского общества, но даже и о «классовом духе» и сознании рабочими своей силы. Если и можно признать известное чувство солидарности уже существовавшим у французских рабочих в период революции XVIII в., то лишь с оговоркой относительно его слабости.

Ошибочность всех рассуждений Герэна по поводу силы «пролетарского натиска» в то время может быть особенно хорошо выявлена на примере данной им же самим интерпретации сентябрьских событий 1793 г., приведших к введению всеобщего максимума и постановке террора в порядок дня. Герэн всячески оттеняет чисто пролетарский характер манифестации, проведенной эбертистской Коммуной 4 сентября, а между тем как раз в тот самый день Коммуна отдала распоряжение своим вооруженным силам «рассеять каменщиков и других рабочих, собравшихся, чтобы просить хлеба и повышения заработной платы»⁶⁶. Однако то обстоятельство, что основные требования рабочих были совершенно идентичны с требованиями других групп «*petit peuple*» и что они прежде всего вели борьбу за насущный хлеб, вовсе не дает права утверждать, что все их выступления — только голодные бунты и мятежи, не влиявшие сколько-нибудь серьезно на развитие политических событий. Неверно, что рабочие в период революции «отличались враждебностью или безразличием к тем политическим идеям и призывам, с которыми обращались к ним революционные вожди». Наоборот, именно рабочие вместе с другими группами санкюлотов горячо откликались на эти призывы и, как справедливо утверждает Ж. Рюде, «пока революция углублялась, все больше приобщались к политическим целям радикальной буржуазии». «Без их мощного прямого натиска против феодализма (без «плебейской манеры» расправы с ним, согласно выражению Маркса) быстрое разрушение старого порядка было бы невозможным», полагает он, так же, как и «без их решительной враждебности по отношению к спекулянтам, скупщикам и укрывателям продовольствия... буржуазная революция не была бы доведена до конца, а страна не была бы избавлена от иностранного нашествия и катастрофы»⁶⁷.

Уже А. Матьез и в особенности Э. Соро⁶⁸ указывали на большое значение для исхода политической борьбы, приведшей к контрреволюционному перевороту 9 термидора, безразличного отношения парижских рабочих, а вместе с тем и основных масс санкюлотов к судьбам правительства Робеспьера летом 1794 года. Подобное отношение вызвано было, как известно, недовольством рабочих масс политикой правительства в области заработной платы: в то время как эбертистская Коммуна, разгромленная в конце марта 1794 г., сознательно медлила с проведением в жизнь ст. VIII декрета Конвента об установлении всеобщего максимума, созданная после казни эбертистов робеспьеристская Коммуна, наоборот, стремилась пресечь все попытки рабочих добиться повышения заработной платы. Своим постановлением от 5 термидора, то есть за четыре дня до переворота, вводившим новые, более низкие максимальные ставки заработной платы, она восстановила против робеспьеристов значительную часть «мелкого люда» Парижа.

В общих чертах все это было уже давно хорошо известно историкам Французской революции, но им, однако, для полного выяснения сложившихся накануне 9 термидора отношений не хватало важнейшего документа — указанного постановления Коммуны от 5 термидора, которое затерялось в архивах, и, следовательно, возможности сравнить существовавшие до падения эбертистов ставки с новыми.

⁵⁸ «Annales historiques de la Révolution française». 1947, № 106, p. 174, 175, 176, 177.

⁵⁹ A. Soboul. 1789. L'An de la liberté. Paris. 1939.

⁶⁰ G. Rudé. La composition sociale des insurrections parisiennes de 1789 à 1791. «Annales historiques». 1952, № 127; его же. Les émeutes de 25, 26 février 1793 à Paris. «Annales historiques». 1953, № 130.

⁶¹ Е. В. Тарле. Жерминаль и Прирале. М. 1937.

⁶² G. Rudé. Les ouvriers parisiens dans la Révolution française. «Pensée». 1953, № 48—49, p. 127; см. его же. The French revolution. «The marxist quarterly», October 1954. The motives of popular insurrection in Paris during the French revolution. «Bulletin of the Institut of historical research». 1953, May, Vol. 26, № 73; его же. The outbreak of French Revolution. «Past and Present», 1955, № 8.

⁶³ G. Rudé. The motives of popular insurrection..., p. 73.

⁶⁴ Там же, стр. 74.

⁶⁵ G. Rudé. Les ouvriers parisiens sous la Révolution française, p. 127.

⁶⁶ Там же, стр. 123.

⁶⁷ G. Rudé. The motives of popular insurrection, p. 74; см. его же. French revolution, p. 250; A. Soboul. Classes et luttes de classes sous la Révolution française. «Pensée». 1954, № 53; его же. Robespierre and the popular movement. «Past and Present». 1954, № 5.

⁶⁸ А. Матьез. Борьба с дороговизной и социальные движения в эпоху террора. М. 1928, гл. X; Э. Сороу. A la veille du thermidor. Paris. 1933.

Вопрос этот получил совершенно новое освещение в статье «Максимум заработной платы в Париже и события 9 термидора», написанной совместно теми же Ж. Рюде и А. Собулем⁶⁹. Им как раз повеселилось обнаружить этот новый тариф⁷⁰ в Национальном архиве, что и позволило сопоставить ставки заработной платы между собой и в результате выяснить, что правительство Робеспьера действительно серьезно нарушило перед своим падением интересы трудовых масс. Это неизбежно и должно было вызвать с их стороны не только недовольство, но и враждебность: достаточно сказать, что, согласно новым тарифным ставкам, заработок плотников снижался с 8 ливров в день до 3 ливров 15 су, а кузнецов — с 10 ливров 10 су до 5—6 ливров⁷¹.

В статье собрано много материала, позволяющего судить о нарастании к середине лета 1794 г. недовольства в рабочих массах, что, в свою очередь, вызвало со стороны властей репрессии: даже в самый день государственного переворота, когда якобинское правительство особенно нуждалось в поддержке санкюлотов, мэр Парижа робеспьерист Леско Флерно отдал распоряжение о вызове вооруженных сил Коммуны, «особенно необходимых в данное время, когда злонамеренные лица могут воспользоваться опубликованием максимума заработной платы, чтобы ввести в заблуждение некоторых граждан»⁷².

Таким образом, накануне 9 термидора правительство Робеспьера вследствие противоречивости своей социально-экономической политики оказалось зажатым между враждебной ему крупной буржуазией и изверившимися в нем массами «мелкого люда». Это и обусловило его неминуемое падение. Традиционное, унаследованное от наиболее реакционных историков представление о «мелком люде», способном будто бы лишь на одни голодные бунты да мятежи, должно быть решительно отброшено: когда рабочие, которые не отделяли еще в конце XVIII в. своих интересов от интересов других санкюлотов, выступали в одних рядах с ними в качестве важнейшей движущей силы буржуазно-демократической революции, революция эта двигалась вперед. Пассивность же их в день 9 термидора способствовала успеху контрреволюционных элементов.

Советские историки правильно выступают как против преувеличения степени классовой сознательности и силы рабочих того времени, так и против преуменьшения роли, сыгранной рабочими в революции 1789—1794 годов. Еще в научно-популярном очерке, вышедшем в 1928 г., К. Раткевич справедливо подчеркивала, что рабочий класс «принимал энергичное участие в крупных событиях, решал исход борьбы между буржуазией и дворяном, между крупной и мелкой буржуазией, поддерживая своей мощью установление диктатуры этой последней»⁷³. Позднее в большом коллективном труде «Французская буржуазная революция 1789—1794 гг.», вышедшем под редакцией В. П. Волгина и Е. В. Тарле в 1941 г., обобщающем достижения советской историографии в области изучения Французской революции XVIII в., в главах, относящихся как к предистории революции, так и к самому ее ходу, неизменно подчеркивалась роль молодого еще французского рабочего класса, и участие его в политической борьбе вызывало особое внимание авторов. В этом труде отмечается также значение событий 1789—1794 гг. для формирования классового самосознания французского пролетариата.

Много правых и ценных замечаний относительно положения рабочих, их борьбы против предпринимателей-капиталистов и классовой природы закона Ле Шапелье можно найти также в популярном очерке А. З. Манфреда⁷⁴. К сожалению, в главе, посвященной крушению якобинской диктатуры, автором недостаточно учтены

⁶⁹ G. Rudé et A. Soboul. Le maximum des salaires parisiennes et le 9 thermidor. «Annales historiques». 1954, № 134.

⁷⁰ «Tarif maximum salaires, façons, gages, mains d'œuvre, journées de travail dans l'étendue de la Commune de Paris». См. там же, стр. 3.

⁷¹ Там же, стр. 14.

⁷² Там же, стр. 16. См. также заметку А. Матьеза относительно предания 1 термидора революционному трибуналу рабочих мануфактуры парижских, организовавших стачку с целью добиться повышения заработной платы («Annales historiques», 1928, p. 271).

⁷³ К. Раткевич. Французские рабочие в годы великой революции. М. 1928, стр. 173.

⁷⁴ А. З. Манфред. Французская буржуазная революция конца XVIII века. М. 1950.

результаты новейших монографических исследований. В печати правильно указывалось, что автор упрощенно изображает события 9 термидора, повторяя «избитую и наивную трактовку событий» этого дня⁷⁵. В параграфе, специально посвященном выяснению причин контрреволюционного переворота, ничего не говорится об отношении к якобинскому правительству парижских рабочих и «не учтено недовольство рабочих таксацией заработной платы, недовольство, проявленное ими 9 термидора»⁷⁶. В книге А. З. Манфреда неправильно указывается, что «подавляющее большинство плебейских секций присоединилось к движению против контрреволюционеров»⁷⁷ и что на помощь робеспьеристской Коммуне пришла будто бы «все возрастающая толпа рабочих, ремесленников, бедняков». Много ближе к исторической действительности указания Я. М. Захера, который еще в своих содержательных трудах о «Парижских секциях» и «9 термидора»⁷⁸ убедительно показал, что в «роковой день 9 термидора наиболее рабочие секции Парижа — именно секции Гравилье, Бонн-Нуфель и Музея — «оказались в лагере самых ожесточенных врагов Робеспьера»⁷⁹.

О большом научном значении новейших трудов как советских ученых, так и зарубежных прогрессивных историков в области изучения социальной истории Французской революции можно судить хотя бы по тому, что проф. Ж. Лефевр посвятил исследованиям такого молодого историка, как Ж. Рюде, передовую статью в издаваемом им журнале. По словам Лефевра, выводы, сделанные Рюде на основе большого документального материала, должны заставить всех историков Французской революции совершенно по-иному относиться к массовым выступлениям низов Парижа. По традиции, выступления эти всегда считались, пишет он, «чуждыми подлинному движению революции», в то время как в действительности они имели для развития революции огромное политическое значение⁸⁰.

Таким образом, обзор различных взглядов на вопрос об участии парижских рабочих в событиях 1789—1794 гг. показывает, что, несмотря на непрерывающиеся попытки совершенно неправильно осветить их роль в ходе буржуазной революции, фактический материал, накопленный более вдумчивыми и; главное, более добросовестными историками, с необходимостью ведет к признанию марксистской концепции исторического процесса, а также к обогащению исторической науки новыми ценными выводами.

⁷⁵ См. рецензию проф. Добролюбова. «Вопросы истории», 1951, № 5.

⁷⁶ Там же.

⁷⁷ А. З. Манфред. Указ. соч., стр. 157.

⁷⁸ Я. М. Захер. Парижские секции 1790—95 гг. П. 1921; его же 9 термидора. Л. 1926.

⁷⁹ Я. М. Захер. 9 термидора, стр. 79.

⁸⁰ G. Lefebvre. A propos des recents articles de G. Rudé. «Annales historiques». 1953, № 133, p. 290.

Большинство работ - А.Матьеза, Ж.Жореса, Я.М.Захера, Дж.Рюде, Ж.Лефевра, Е.В.Тарле, К.И.Раткевич, А.Собуля и других авторов, упоминаемых в настоящем обзоре, можно найти в разделах

“Великая французская революция” <http://istmat.info/node/31148> и “Историки и историография” <http://istmat.info/node/31025>